

После того как закончился Персиковый банкет все гости разъехались. Без гостей отпала необходимость в прислугах-марионетках. Настоящих дворцовых служанок во дворце было немного. Они приходили и уходили тихо, не было слышно ни единого слова.

Не было больше никакого ложного шума. Павильоны, протянувшиеся на сотни миль, были покрыты запустением и персиковым цветом. Даже тысячи миль великолепных персиковых цветов не могли скрыть этого. Возможно, это и был истинный облик Нефритовой горы.

Си Лин Хэн вдруг поняла, почему императрица-мать устраивал банкет Персиковый банкет каждые тридцать лет. Ведь это было так одиноко! Даже если они не были связаны друг с другом, можно было использовать чужую живость, чтобы убить собственное одиночество.

Подумав о том, что у нее впереди еще сто двадцать лет, десятки тысяч дней и ночей на Нефритовой горе, она, обычно счастливая, начала волноваться.

Чи Ю, казалось, догадывался, что ей будет одиноко. Он послал своих слуг доставить худого, тщедушного крылатого лиса (по-китайски он называется биби, поэтому его зовут А Би. Это легендарное существо) к Си Лин Хэн. Мать бедного лисенка погибла в бою и на последнем издыхании вырвала лисенка из своего живота. Чи Ю спас его и отправил А Хэн.

А Хэн отнесла лисенка к императрице-матери, но та холодно ответила.

- Это благородные и гордые существа, которых очень трудно растить - он не выживет.

Тогда А Хэн накормила персиками и нефритовым костным мозгом крылатого лисенка. Поскольку в этих персиках и нефритовом костном мозге содержится много божественной сущности, если человек не сможет их проглотить, он умрет. Детеныш крылатой лисы начал раздуваться и царапать А Хэн, затем он укусил ее и непроизвольно выпил ее кровь, что неожиданно уменьшило его боль*.

Императрица-мать покачала головой: у этого глупого существа своя счастливая судьба. Неуклюже и непреднамеренно оно нашло свой спасательный круг!

Поэтому каждый день А Хэн кормила его персиками, нефритовым костным мозгом и своей кровью. Лисенок становится очень сильным, у него выросли необычные крылья! Через год крылатый лисенок достиг размеров кошки, и А Хэн назвала его А Би. А Би особенный - крылатые лисы не могут летать, а А Би мог! Каждый день А Хэн играла с А Би и ждала письма.

Ее старший брат Цин Ян всегда занят работой, поэтому не писал. Четвертый брат Чан И очень беспокоится о ней, но в основном посылал только еду и писал мало. Лишь Чи Ю - только Чи Ю часто присылал письма. За месяц он мог прислать несколько писем, длинных - о местных особенностях и географии места, где он находится, маленьких - просто пошутить, рассказать,

что он ел, иногда длинных - в сто слов, иногда коротких - «На столе распустился ночной цереус, он белый, приятно пахнет».

Иногда он преподносил сюрприз. Рассказывал, что в Ханьских водах есть чудовище, которое ест людей, он его победил и отделался легкими ранениями. Чудовище умерло, а из его зубов он сделал для нее ветряные колокольчики.

Си Лин Хэн повесила ветряные колокольчики на карниз крыши. Каждый раз, когда пронесется ветер, под красивый звон она представляла себе: огромные волны, Чи Ю и водяное чудовище сражаются, его руки изранены, красная кровь окрашивает воду Хань, но на его губах по-прежнему играет гордая дикая улыбка, говорящая о том, что ему все равно.

Си Лин Хэн постепенно стала зависеть от писем Чи Ю. Даже если это была всего одна строчка, она приносила извне жизнь и жизненную силу, а ее ответы всегда были одинаковыми - что она сделала с А Би.

Иногда Си Лин Хэн думала, что если бы она читала все ее письма сразу, то они бы до смерти утомили Чи Ю. Но она писала письма с удовольствием, и Чи Ю всегда отвечал.

Возможно, из-за того, что они так часто обменивались письмами, хотя императрица-мать была не против одолжить свою зеленую птицу для передачи писем А Хэн, Чи Ю нашел это неудобным и сказал ей, что нашел очень хорошую птицу, чтобы служить их вестником.

Через несколько месяцев на Нефритовую гору была доставлена чисто белая птица, привязанная к пяти цветкам. У Чи Ю не было времени приручить птицу перед тем, как отправить ее А Хэн, поэтому он отправил птицу первой. Сначала А Хэн удивилась - что это за птица такая, что даже Чи Ю не смог ее приручить?

Птица была очень красива, а потом А Хэн поняла, что она очень гордая. Когда она кричала, ее голос был странным и неприятным на слух, и все остальные птицы дрожали на своих ветвях. Императрица-мать объяснила, что голос белой птицы очень красив, но из-за того, что она пытается заговорить, как Феникс, что выше ее возможностей, поэтому слушать ее так неприятно. Каждые пятьсот лет Феникс откладывает яйцо, но каким-то образом яйцо белой птицы попало в гнездо Феникса, а яйцо Феникса исчезло, и он вырастил белую птицу как свое дитя.

Тогда А Хэн сказала белой птице.

- Ты не простая птица, раз ты смогла сразиться с Чи Ю, у меня нет возможности приручить тебя. Но раз уж Чи Ю приложил усилия, чтобы отдать тебя мне, я не могу так просто отпустить тебя. Сначала оставайся на Нефритовой горе, чтобы помогать мне передавать сообщения, а когда я покину Нефритовую гору, ты сможешь решить, остаться тебе или уйти. Если ты согласишься, я отпущу тебя, если нет - останешься здесь на сто лет.

Белая птица открыла рот и извергла огонь в ответ на предложение Си Лин Хэн.

Императрица-мать покачала головой: должно быть, мать-феникс так любила белую птицу, что передала ей свою собственную столетнюю сущность (поэтому белая птица может извергать огонь).

Сначала белая птица сопротивлялась, но потом ей стало скучно, потому что ее никто не беспокоил, хотя кормили каждый день. Через сто дней белая птица стала клевать одежду Си Лин Хэн. Си Лин Хэн ответила.

- Ты не воробей, не феникс, ты - это ты, единственная в этом мире, я временно буду называть тебя Ли Ян**, если у тебя появится возможность обрести человеческий облик, ты сможешь сменить имя по своему усмотрению.

Си Лин Хэн радостно написала письмо Чи Ю, думая о том, как он будет потрясен, увидев, что она уже приручила Ли Ян.

Пока Ли Ян улетал с письмом, Си Лин Хэн сидела за столом, подперев рукой подбородок, и смотрела на ветряной колокольчик, щеки ее медленно краснели.

Вскоре прошло тридцать лет, и снова наступил Персиковый банкет.

Чтобы подготовиться к Персиковому банкету, императрица-мать создала множество служанок-марионеток, которые выполняли работу по дому, и во дворце снова стало оживленно.

Си Лин Хэн показалось это интересным, и она захотела научиться делать марионеток. Императрица-мать научила ее: сначала нужно отдать немного своей внутренней энергии, чтобы марионетка ожила, а затем с помощью божественной силы управлять ею. Сделать марионетку было несложно, а вот управлять ею - очень трудно. Даже с силой императрицы-матери, без плодородной божественной сущности Нефритовой горы и того факта, что эти марионетки служили человеку, ей было бы очень трудно управлять таким количеством марионеток.

Императрица-мать поддразнила Си Лин Хэн.

- Скоро тебе больше не придется писать письма, ты сможешь говорить лично, разве ты не счастлива?

Си Лин Хэн от удивления впала в оцепенение, то радуясь, то печалась, она опустила голову.

Императрица-мать покачала головой и рассмеялась.

Си Лин Хэн вдруг подняла голову и спросила.

- Предыдущая императрица-мать не устраивала персиковых банкетов, это пошло от тебя.

Каждые тридцать лет ты тратишь столько сил на проведение одного Персикового банкета, а бог или демон, которого ты хочешь увидеть... он пришел?

Лицо императрицы-матери изменилось, деревянная кукла в ее руках упала на пол, служанки, расставлявшие чай в зале, рассыпались в пыль.

- Не думай, что только потому, что я говорю с тобой ласково, ты забыла, что это за место, будь осторожна, и я не накажу тебя еще на сто двадцать лет!

Императрица-мать сердито засучила рукава и ушла. Си Лин Хэн тайком улыбнулась А Би.

- Почему мне вдруг понравилась эта старая демонесса?

Когда начался Персиковый банкет, на него, как и ожидалось, съехались герои со всех концов света.

Си Лин Хэн была очень рада, ведь представителем племени Сюань Юань был ее четвертый брат Чан И***. Если в прошлый раз Чан И приезжал, то в этот раз он не должен был приехать, но, видимо, он отвоевал у ее отца возможность приехать на Нефритовую гору из-за нее.

Но из племени Шэн Нонг прибыл только Гун Гун****.

Гун Гун извинился перед императрицей-матерью.

- Вторая принцесса больна, а император Янь крайне подавлен и слег. Все чиновники не решаются уехать, поэтому приехал только я.

Императрица-мать передала Гун Гуну корзину персиков, чтобы он передал их Императору Янь.

- Передайте Императору Янь мои соболезнования, посоветуйте ему оставить печаль и жить.

Гун Гун вежливо поклонился и ушел. Императрица-мать стояла на краю обрыва и смотрела на ревущее море, в ее фигуре читались невыразимые одиночество и печаль. Весь день она стояла там одна, и ни одна служанка не осмелилась ее прервать.

Си Лин Хэн подошла к ней и встала рядом.

Императрица-мать передала ей деревянную шкатулку.

- Зеленая птица принесла это с горы. Похоже, что Чи Ю не смог приехать, но подарок привез.

Си Лин Хэн открыла шкатулку, внутри лежали два феникса, вырезанные из дерева.

Сначала она не могла ничего понять, но потом сообразила и положила их на землю.

Как только два феникса впитали энергию земли, они тут же выросли и превратились в двух настоящих фениксов с блестящей пятицветной окраской. Они пели, танцевали для А Хэн.

Фениксы - цари птиц, они обладают высокомерным нравом, но эти два феникса были очень привязаны к Си Лин Хэн, иногда взлетали высоко, чтобы танцевать для нее, иногда подлетали близко, чтобы кружиться вокруг нее. Их песня была похожа на звук цитры, ее было очень приятно слушать. Когда они танцевали и пели, даже императрица-мать улыбалась.

После того как прошло время необходимое для сжигания пол палочки благовоний, фениксы прекратили свой танец и, опустив крылья, превратились в деревянные фигурки, так как божественная энергия закончилась.

Императрица-мать в оцепенении смотрела на деревянные фигурки. Си Лин Хэн спросила.

- В чем дело?.

Императрица-мать холодно сказала.

- Твой друг действительно не прост, он может управлять марионеткой за тысячи миль, что особенно сложно, так это звук.

На самом деле, императрицу-мать это не впечатлило... но марионетку можно было послать убивать за тысячи миль, просто ради власти или выгоды, а Чи Ю потратил столько усилий, и все только для того, чтобы Си Лин Хэн улыбнулась.

Си Лин Хэн улыбнулась и оставила деревянные фигурки себе, хотя они больше не могли быть использованы.

Очень быстро закончился трехдневный Персиковый банкет.

Си Лин Хэн, уже тридцать лет ела персики, и поэтому персиковый банкет показался ей скучным. Но как только он закончился, она почувствовала себя несчастной, она не могла объяснить, почему, но, возможно, потому, что брат Чан И уезжал.

Проводив брата, она спряталась одна в глубине цветущего персикового леса, даже не взяв с собой А Би. Но императрица-мать сумела найти ее и спросила.

- Ты скучаешь по дому?

Когда-то давно Си Лин Хэн задумалась над тем, что сказала императрица-мать. В тот день, когда она была наказана, императрица-мать сказала.

- Из-за твоей матери я защищу твоё имя от позора как воровки и накажу лишь тем, что заключу тебя здесь на сто двадцать лет.

С юных лет Си Лин Хэн только и слышала, что о том, что ей положено по праву отца, а вот о том, что ей положено по праву матери, слышала впервые. Поскольку речь шла об императрице-матери, она была крайне любопытна.

Она смело спросила.

- Вы знаете мою мать?

- Много-много лет назад мы были очень близкими друзьями.

- Правда? - Си Лин Хэн не то чтобы не поверила, она просто удивилась.

- Если говорить о твоём отце, то сейчас о нём знают все, а в то время никто не слышал его имени, но твоя мать была знаменита на всю страну. Все знали, что у Си Лин особенная девушка, император Янь, император Цзюнь - все они отправляли послов, чтобы предложить ей выйти замуж за их сыновей. Если бы твоя мать согласилась, то сегодня ты была бы принцессой Шэн Нонг или Гао Синь.

Си Лин Хэн была потрясена и почти не могла в это поверить.

- Как в то время выглядела моя мать? Каким был мой отец?

Императрица-мать прищурила глаза, словно пытаясь вспомнить.

- Твоя мать была самой умной и храброй девушкой, которую я когда-либо видела, твой отец был самым красивым и очаровательным юношей, которого я когда-либо видела...

Императрица-мать прервала свои слова, и некоторое время не было слышно ни звука. Солнце освещало красные цветы персикового цвета. Под светом цветов и ветра в облике императрицы-матери словно бы проступило время, и А Хэн увидела непонятную ей грусть.

- Почему моя мать никогда не упоминала о тебе?

На губах императрицы-матери появилась улыбка, пробившаяся сквозь солнечный свет.

- Потому что мы перестали быть хорошими друзьями.

- Как долго ты их не видела? [Не знаю, почему это вдруг стало множественным числом, но так оно и есть].

- Более двух тысяч лет. С тех пор как я возглавила Нефритовую гору, я не спускалась с горы, они тоже не приходили.

Си Лин Хэн смотрела на окрестности и не могла ничего сказать. Неужели за тысячи лет она одна день за днем, год за годом охраняла эти цветы персика?

Императрица-мать глубоко вздохнула и спросила.

- Твоя мать здорова?

Си Лин Хэн наклонила голову в сторону и задумалась.

- В порядке. Она любит тишину, не спускается с горы и редко принимает гостей.

Императрица-мать выглядела как молодая двадцативосьмилетняя девушка, даже в племени богов персики не могут позволить им жить вечно, но они могут помочь сохранить внешность. Она посмотрела на императрицу-мать и вдруг сказала.

- У моей матери волосы давно уже все белые.

- Твой отец, твой отец... - императрица-мать не закончила фразу и больше ничего не сказала.

Си Лин Хэн уже поняла, о чем она хотела спросить.

- Мать любит тишину, отец редко ее беспокоит.

Императрица-мать и Си Лин Хэн смотрели друг на друга без слов, императрица-мать не могла спуститься с горы из-за правил, но ее мать? Что ее держит в заточении?

Вдруг императрице-матери захотелось выпить до беспамятства, она позвала слуг, чтобы те принесли вина.

Императрица-мать напилась, впервые за тысячи лет.

Си Лин Хэн наблюдала за ней в лесу цветущих персиков, ее длинные рукава развевались, когда она танцевала.

Император-мать смеялась и звала ее.

- А Лэй, иди скорее, А Лэй, иди скорее...

Впервые Си Лин Хэн узнала, что когда-то ее мать подруга ласково называла «А Лэй». Она встала и закружилась в танце с императрицей-матерью, но та не смогла ответить на ее призывы. Много-много лет назад у императрицы-матери было нежное имя, но так как его долго никто не называл, никто его больше не знал. Си Лин Хэн не хотела называть ее императрицей-матерью, по крайней мере, сейчас, поэтому ничего не говорила и только танцевала с ней.

После Персикового банкета Нефритовая гора вновь обрела свой прежний вид: холодная, как убийство, молчаливая, как смерть.

Каждый день был похож на предыдущий, все то же самое, та же еда, те же пейзажи. Все четыре времени года были весенними, даже холод и жара были одинаковыми, никаких изменений.

Первые тридцать лет Си Лин Хэн была молода и мало с чем сталкивалась, поэтому не понимала боли от потери свободы. У нее не было страхов, и боль была легкой, но когда эти тридцать лет только начались, она стала думать о следующих тридцати годах, и это вызвало у нее страх перед предстоящими днями, и от этого страха боль стала тяжелее.

Нефритовая гора уединилась от всего мира, а вместе с ней уединилась и Си Лин Хэн. Она часто думала о том, что когда наконец сможет спуститься вниз, поймет ли она, что ей больше нечего сказать своим друзьям? Все, что знали они, она не знала.

Даже для племени богов сколько блестящих ста двадцати лет жизни?

Письма Си Лин Хэн к Чи Ю становились все короче и короче, пока она не перестала писать.

Но письма Чи Ю продолжали приходить, каждые два-три дня. Он никогда не спрашивал, почему она перестала отвечать, просто описывал свою жизнь и изредка посылал небольшой подарок.

Хотя Си Лин Хэн так и не отвечала, каждый раз, получая письмо от Чи Ю, она чувствовала себя немного лучше.

Три года, более тысячи дней, Си Лин Хэн не посылала Чи Ю ни слова, но Чи Ю продолжал писать.

Спустя четыре года Нефритовая гора все еще сохраняла свой неизменный вид, но под ней только что закончилась суровая зима и наступила теплая весна.

Си Лин Хэн сузила глаза под ярким солнцем, когда зеленая птица принесла письмо Чи Ю.

Письмо было длинным, в нем обычно описывались местные жители и культура, рассказывались некоторые истории, но одна строчка казалась обычной, но привлекла ее взгляд.

«Проезжая мимо небольших холмов, где по обоим берегам пылают цветы персиковых деревьев, где девушка крахмалит одежду у реки, я снова подумал о тебе».

От этого непреднамеренного «снова» Си Лин Хэн ворочалась во сне целую ночь.

На следующее утро Ли Ян взял ее письмо и улетел с Нефритовой горы.

После десятков лет совместной жизни А Би и Ли Ян стали близки, личность Ли Яна была странной, с ним было трудно, но А Би любил его, как бы Ли Ян к нему ни относился, он всегда оставался с ним. А Би упорно следовал за Ли Яном, пока тот не принял А Би.

Пока А Би и Ли Ян играли, Си Лин Хэн охраняла цветущий персиковый лес и разводила шелкопрядов.

За эти десятки лет она получила от Чи Ю много подарков, но так ничего и не отдала. В Нефритовой горе был прекрасный нефрит, особые травы, редкие сокровища, но все это принадлежало императрице-матери, а не ей.

Ее мать хорошо разбиралась в разведении шелкопрядов для прядения шелка, еще до того, как она научилась говорить, она уже научилась различать шелкопрядов.

Она думала о том, как позаимствовать божественную сущность Нефритовой горы, чтобы вывести такого особенного шелкопряда, который был бы единственным во всем мире, и создать для Чи Ю одеяние, равного которому не будет.

На Нефритовой горе не чувствуешь, как уходят солнце и луна, как только распускается цветок персика, он цветет тысячу лет, Си Лин Хэн рассчитала время по письмам с Чи Ю.

Он писал ей письмо, она писала ему письмо, он снова писал ей письмо, она снова писала ему письмо... В этих письмах проходило бесконечное время.

Шестнадцать лет ушло на разведение персикового шелкопряда, пять лет - на прядение шелка, три года - на нитки, один год - на пошив одеяния... Си Лин Хэн потратила двадцать пять лет, чтобы подготовить одеяние для Чи Ю.

Когда халат был готов, красное свечение встревожило всю Нефритовую гору. Служанки подумали, что начался пожар, и с плачем разбежались по комнатам. Императрица-мать поспешно подошла и увидела простой красный халат, но красный цвет показался ей живым, искрящимся в ярости, свободно ревушим, и после долгого разглядывания она почувствовала, что ее воспоминания поглощает красный оттенок.

Даже для императрицы-матери это был первый раз, когда она видела такой красный цвет. После долгого разглядывания она сказала Си Лин Хэн.

- Ты действительно дочь А Лэй.

Си Лин Хэн приказала Ли Яну отнести одеяние Чи Ю, но не стала говорить, откуда оно, а просто сказала, что это подарок, надеется, что он ему понравится.

*Сяо Яо, возможно, обладает способностью к исцелению благодаря крови А Хэн, но также и потому, что она выросла на Нефритовой горе и ела их особые персики и нефритовый костный мозг, наполненные божественной эссенцией!

**Ли Ян означает «палящее солнце». Он действительно соответствует своему названию, верно?

***Чан И - отец Чжуань Сюя.

**** Гун Гун - крестный отец Сян Лю, если я правильно помню.

<http://tl.rulate.ru/book/14671/3243895>